

СВИДЕТЕЛЬСТВО, ПРЕОБРАЖЕННОЕ В ИСКУССТВО
(Проза А. И. Солженицына)

Robert Porter (Bristol)

За несколько недель до своего изгнания из Советского Союза (14. 2. 1974) Александр Исаевич Солженицын написал письмо своим бывшим коллегам по Союзу писателей в защиту Лидии Чуковской и Владимира Войновича, которых только что из Союза исключили:

"До каких же пор писатели будут вести себя как куры - каждый покорно ждет, когда дойдет очередь резать ее, и беспечно не мешает резать других?"

Чего же стоит такая 'общественность' и чему же могут научить народ такие писатели, зачем они тогда и книги пишут?"¹ Эти слова типичны для характера и стиля Солженицына. Во-первых, в них чувствуется моральная сила. Во-вторых, мы видим Солженицына, выступающего против общественности. В-третьих, если в его словах нет иронии, ясно, что Солженицын признает воспитательную роль писателя. Трудно определить значение Нобелевского лауреата Солженицына несколькими словами, имея в виду, что он еще живет и пишет, что его книги продаются миллионными тиражами по всему миру, и что он, как Лев Толстой в свое время, всюду оказывает огромное моральное, интеллектуальное и политическое влияние. Позвольте поэтому сосредоточиться лишь на отмеченных выше чертах и обсудить вкратце их проявления в жизни и творчестве современного классика.

1. Моральная сила.

В "Архипелаге ГУЛАГ" (том 2, часть 4, глава 1) Солженицын описывает свою встречу с неким Борисом Корнфельдом в тюремной больнице в начале 1952-ого года. Эта встреча превратила тридцатичетырехлетнего зека и марксистского интеллектуала в христианина и моралиста. Доктор Корнфельд объяснил Солженицыну его обращение в христианство и сказал, что "никакая кара в этой земной жизни не приходит к нам незаслуженно". Задумываясь над этим и над собственной жизнью, Солженицын пришел к такому заключению:

"В переизбытке власти я был убийца и насильник. В самые злые моменты я был уверен, что делаю хорошо, оснащен стройными доводами. На гниющей тюремной соломе ощутил я в себе первое шевеление добра. Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями - она проходит через каждое человеческое сердце - через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется с годами. Даже в сердце, обьятом злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наидобрейшем сердце - неискорененный уголок зла.

С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать вовсе

зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить.

С тех пор я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных носителей зла".²

В каждом произведении Солженицына чувствуется мораль. Иван Денисович сам не выражает глубокой моральной философии - он крестьянин, он больше делает, действует и реагирует, чем размышляет, но нельзя не признать той моральной силы, которая ощущается читателем на каждой странице.

Рассказ "Матренин двор" был первым важным доказательством, что Солженицын - верующий. Матрена стала одной из великих героинь русской литературы двадцатого века. Скромная, бедная, многострадальная, она живет со своей кошкой в захолустье, в грязной, ветхой избе. Повествователь сообщает: "Кроме Матрены и меня, жили в избе еще - кошка, мыши и тараканы".³ Держит она и козу. Интересно отметить связь между миром животных и человеческого миром. В подтексте романа "Раковый корпус", особенно в том месте, где герой Костоглотов посещает зоологический сад, утверждается, что человек может учиться многому у зверей и что часто у животных можно даже отметить моральное превосходство. Матрена, ее хилец и коза едят одну и ту же пищу - картошку. Щедрая Матрена бесплатно работает в колхозе, когда нужна дополнительная рабочая сила. Она отдает половину своей избы своим жадным родственникам и при перевозе строительного материала погибает. Таким образом, щедрость ее души была причиной ее смерти. Повествователь заканчивает рассказ словами, которые не только подчеркивают морально-философскую позицию Солженицына, но и выражают пафос всей деревенской прозы:

"Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая месть детей, но не нрав свой обидительный, чужая сестрам, золоткам, смешная, по-глупому работающая на других бесплатно, - она не скопила имущества к смерти. Грязнобелая коза, колченогая кошка, фикусы...

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша".⁴

Безусловно, в этих словах чувствуется патриотизм, и даже русский национализм. А самое главное - оптимизм. Хотя Солженицын пишет о тюрьме, о лагерях, о войне, о раке, о социальной несправедливости, о мучительной истории России и о зле вообще, многие читатели испытывают духовный подъем, потому что в его произведениях находят редких "моральных великанов" среди множества злых духовных карликов. Пусть у Нержина, Рубина и Сологдина в романе "В круге первом" возникают свои внутренние противоречия и взаимные конфликты, но они же - люди. В отличие от них Сталин в солженицынском изображении - пустое место, почти карикатура.

В самых его успешных беллетристических произведениях моральная сила связана с сомнениями и иронией. Здесь играет свою роль полифония. Почти каждое лицо имеет свою правду, и автор соглашается с ним.

Безусловно, в "Раковом корпусе" Костоглотов является главным героем и его мировоззрение до известной степени совпадает с мировоззрением Солженицына, но читатель ощущает и авторское сочувствие с Донцовой, которая защищает государственную медицинскую систему, но которая, заболев, прибегает к сво-

ему бывшему профессору, зажиточнику приватизации здравоохранения. А что приносит Донцовой утешение при этой встрече? Не наука, не медицина, а появление собаки Сен Бернар профессора Орещенкова.⁵ Автор также симпатизирует Демке, молодому человеку, который хочет заниматься литературой, чтобы узнать истину, и даже Асе, молодой материалистке и спортсменке, даже честному коммунисту Вадиму. Когда роман появился впервые (на Западе), многие думали, что Шулубин, который предписывает "нравственный социализм", есть настоящий голос автора. Но Шулубин нарисован с явной иронией - хотя у него глубокие мысли и начитанность, он всю жизнь мел на компромиссы, и только сейчас, на пороге смерти, высказываетя. По сравнению с Костоготовым, он имеет свои слабости. Чувствуется, что в этом романе Солженицын еще имеет, может быть, верит, что, по пословице, часто приходящей в голову героя, "мягкое слово козла ломит".⁶ В зоологическом саду каждое животное представляет какой-то образ жизни или своего рода жизненный урок. А самое важное животное отсутствует: обезьяна, ослепшая от табака, брошенная ей в глаза злым человеком. Можно предложить две интерпретации окончания романа - или Солженицын признает, что зло всегда и всюду существует и нельзя победить его, или что наконец (надо иметь в виду, что действие романа происходит в 1955 г., накануне "официальной" оттепели и 20-ого съезда КПСС) незаурядные люди, как этот безымянный служащий, который повесил объявление на клетку обезьяны, начинают опять различать, что такое зло и что такое добро.

Еще одна сторона моральной силы творчества Солженицына заключается в том, что автор разоблачает "потемкинскую деревню" советского быта. В конце романа "В круге первом" перевозят в фургоне заключенных из шарашки в лагерь, а на фургоне на разных языках написано "МЯСО". Иностраный журналист видит этот фургон и пимет о том, как хорошо организуются продовольственные поставки в Москве, хотя это послевоенные годы.⁸ В пьесе "Олень и шалаповка" есть одна ироническая ситуация: лагерники ставят спектакль на сцене для развлечения и в то же самое время за кулисами обсуждают суровые условия жизни. В огромных полотнах, как "Архипелаг ГУЛаг" и "Красное колесо", этот "прием" превращается в полную систему. С самого начала советской власти существовала только одна версия истории, и до Солженицына эта версия полностью игнорировала действительную судьбу жертв сталинских репрессий. Автор называет свой труд о репрессиях Сталина "опыт художественного исследования", основывая свое произведение не только на своих собственных переживаниях, но также на свидетельствах 227 других репрессированных. Факты, статистика, документы, реалистическое повествование, авторская графия - все это используется для создания зримой, осязаемой и впечатляющей картины русской истории, которая чуть не пропала без следа. "ПОСВЯЩАЮ всем, кому не хватило жизни об этом рассказать. И да простят они мне, что я не все увидел, но все вспомнил, не обо всем догадался".⁹ Для советских властей Солженицын стал предателем и власовцем, для других - героем, пророком, носителем самых верских истин. Споры о точности некоторых исторических подробностей и о художественном уровне Архипелага ГУЛага будут долго продолжаться, но невозможно пренебречь его политической и моральной важностью.

В "Красном колесе" автор пытается разыскать корни двадца-

тивековой истории России и уяснить, как и почему Россия так страдала - одним словом, как возникла революция. Как и другие, не в последнюю очередь Ахматов, Солженицын видит, что самый значительный год не 1917, а 1914, начало первой мировой войны. Этот год (когда начался, по словам Ахматовой, "не календарный, настоящий двадцатый век") обозначал действительный перелом. Солженицын считает такие исторические исследования своей главной задачей, а все, что он писал о лагерях и болезни, чем-то вроде отклонения. В "Архипелаге ГУЛАГ" мы читаем: "С детства я откуда-то знаю, что моя цель - это история русской революции, а остальное меня совершенно не касается. Для понимания же революции мне давно ничего не нужно, кроме марксизма".¹⁰ Конечно, получилось так, что ему нужно было гораздо больше, чем марксизм, чтобы достичь своей цели. Но интересно, что цель как таковая осталась.

Огромные тома, которые составляют солженицынские "узлы" истории России, представляют собой обширную панораму событий, множество исторических и воображаемых лиц. Наверно, это судьба всех исторических романов - подвергнуться обвинению в фактических недостатках и необъективности. В случае "Красного колеса" надо иметь в виду, что прецеденты, установленные социалистическим реализмом в жанре исторического романа, заставляют любого честного писателя перейти в "чужой лагерь". Единственный действительно художественный роман, занимающийся тем же самым периодом, "Тихий Дон", подвергся нескольким редакциям, чтобы приблизиться к партийной жизни: Автор, Михаил Шолохов, не раз обвинялся в литературной краже и в конце концов стал самым консервативным защитником советской системы. Для Солженицына главный герой русской истории до революции - Петр Столыпин. И главный враг русского народа - Ленин. И в "Красном колесе", и в "Архипелаге Гулаг" Солженицын в блестящей полемике утверждает, что Ленин ответствен за все репрессии, которые следовали после октябрьской революции. Тут Солженицын резко отличается от Роя Медведева, историка-диссидента, который видит сталинизм как искажение ленинских норм, и до известной степени от Василия Гроссмана, который в повести "Все течет" изображает Ленина не просто как беспощадного тирана, проложившего дорогу Сталину, но как побочный продукт тысячелетней истории России и русской рабской души.

Когда некоторые главы "Красного колеса" впервые появились на Западе в 1975 году под названием "Ленин в Цюрихе", западные комментаторы провели параллель между автором и его героем, особенно когда автор начал ругать Запад. В конце концов здесь были две оппозиционных писателя в одном лице, которые до своего изгнания из России смотрели на Запад как на спасителя России, но раз очутившись на Западе, увидели в нем лишь слабость и декадентство и начали утверждать, что только в России найдется путь к спасению мира. Подобный процесс наблюдается и в творчестве Достоевского.

При перемене Солженицына-беллетриста в политика он неизбежно находит врагов среди русских диссидентов. Но это были честные люди, достойные Солженицына: Рой Медведев, Андрей Сахаров, Лев Копелев. В результате этих разногласий возникают сатирические портреты Солженицына в "Зияющих высотах" Зиновьева и в "Москве 2042" Войновича. Последняя прямая критика Солженицына выходит из-под пера Татьяны Толстой,¹¹ рецензирующей

"Как нам обустроить Россию."

Однако большей частью полемика с Солженицыным касается русской истории и русской политики. Относительно его моральной позиции нет спора. Он человек громадного морального мужества. Что касается его моральной философии, может быть, эта линия, "проходящая через каждое человеческое сердце", кажется слишком простой, особенно скептикам-интеллигентам Западной Европы. Двадцатый век Кафки, Сартра и Кундеры, этот мир нюансов, двусмысленностей и сомнений, далеко не двадцатый век Солженицына.

2. Солженицын против общественности.

Уже в 1978-ом году знаменитый американский знаток русско-советской литературы Деминг Браун писал, что Солженицын "самый выдающийся литературный еретик России после Толстого... Он вносит в советскую литературу глубокую серьезность и благоговение к человечеству... он несносен советским учреждениям (the Soviet establishment). Но Солженицын является таким писателем, какой был бы опасным любим учреждениям (any establishment)".¹² А ведь Солженицын много лет провел в учреждениях как приличный гражданин (в школе, университете, в армии) до того, как он попал в тюрьму и начал испытывать на себе давления советских учреждений другого рода. При советской власти часто цитировалось утверждение Маркса, что бытие определяет сознание.

Родившись в первый год революции, Солженицын до 1974-ого года знал только советский быт, но не трудно видеть, что его сознание стало далеко не советским и его творчество постоянно анализирует отношения между человеком и коллективом, индивидуумом и учреждением, будь это последнее - армия, лагерь, органы безопасности, или больница. У автора проявляется сильный интерес к внутренней структуре всякой организации, к тому, как, вопреки этой структуре, индивид, пусть он подавлен и преследуем системой, может сохранить свое "я" и даже сопротивляться. Его ситуация никогда не достигает полного отчаяния, особенно когда его совесть чиста. Раскольников переступает границы зла, но герои Солженицына часто возвращаются из мира зла в мир добра. Володин в начале романа "В круге первом" решает предупредить профессора, что ему грозит опасность ("Чего-то всегда остерегайся - остаемся я мы люди?"¹³). Нержин, слушая голос совести, также отказывается сотрудничать с органами, и за это его отправляют в лагерь строгого режима. Задолго до этого он подрывает дисциплину марашки самым банальным, даже смешным образом: он заводит роман со служащей МГБ ("Так, змеиному скованная стальная цепь, развалилась в том звене, которое выковали из женского сердца").¹⁴ Сологдин разрабатывает свою работу, чтобы защитить собственную волю. В "Раковом корпусе", несмотря на гуманность большинства лечебного состава, Костоготов все время бунтует:

"Я хотел только напоминать вам о своем праве распоряжаться своей жизнью... раз больной к вам поступил, дальше за него думаете вы. Дальше за него думают Эми инструкции, ваши пятиминутки, программа, план и честь вашего лечебного учреждения. И опять я - песчинка, как в лагере, опять от меня ничего не зависит".¹⁵

В самом деле, учреждения у Солженицына часто слабые, хрупкие и развращающие. Поэтому надо обратить внимание также на отношения автора с литературными учреждениями. В 1975-ом году Солженицын издал "Бодался теленок с дубом" - мемуары, касающиеся самого разгара карьеры писателя в Советском Союзе в 1960-ые годы. Они описывают его борьбу с властями, историю Нобелевской премии и его изгнания на Запад. Как и многое из того, что автор публиковал раньше, эта книга тоже вызвала взрыв - но на этот раз бомба взорвалась среди бывших союзников автора. "Новый мир", славившийся самым либеральным из толстых журналов при Брежневе, стал целью солженицынской критики, а Александр Твардовский, редактор, который впервые опубликовал "Один день Ивана Денисовича", "Матренин двор" и "Случай на станции Кречетовка" и неуспешно боролся за публикацию "Ракового корпуса", изображался просто как укрупнившийся консерватор и алкоголик. Ответы Солженицыну пришли от Лакуина, Зильберера, Р. Медведева, дочери Твардовского и других.¹⁶ Тем не менее проза "Бодался теленок с дубом" является очень ценной книгой, и не только потому, что она дает много биографической информации. Она описывает пестрыми красками взаимоотношения между политикой, литературой и личностями, мы видим и внутри и вблизи литературный процесс. От этой книги мы также учимся тому, что мало кто имеет привилегию жить безо всяких учреждений и что в случае Солженицына совесть и коллектив чуть ли не взаимоисключающиеся понятия.

3. Роль учителя

В ссылке в Кок Терек, вопреки всем официальным препятствиям, Солженицын стал учителем и описал, с какой радостью он работал с учениками. В сентябре 1956 года он переехал в Торфопродукт и начал учительствовать (см. "Матренин двор"). Год спустя его назначили учителем физики и астрономии в средней школе в Рязани. Эти биографические подробности ведут прямо к мировым обобщениям относительно роли писателя в русском обществе. Несомненно, Солженицын продолжает ту традицию (Белинский, Чернышевский, Толстой, Горький), представители которой настаивают на том, что литература должна воспитывать читателей. Советская власть ухватилась за эту традицию и воспользовалась ею для собственных целей. Солженицын старается вернуть литературе то, что он видит как ее главную задачу - моральное, а не политическое воспитание. В этой связи Солженицын утверждает, что литература включает в себя определенную правду. Итак, он пишет в своей Нобелевской лекции:

"Я думаю, что мировой литературе под силу в эти тревожные часы человечества помочь ему верно узнать самого себя вопреки тому, что внушается пристрастными людьми и партиями: перенести сгущенный опыт одних краев в другие, так чтобы перестало у нас двоиться и рябить в глазах, совместились бы деления школ, и одни народы узнали бы верно и сжато истинную историю других с той силой узнавания и болевого ощущения, как будто пережили ее сами, - и тем обережены бы были от запоздалых ошибок...

И поэтому шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть это приходит в мир и даже царит в мире - но не через меня. Писателям

же и художникам доступно большее: ПОБЕДИТЬ ЛОЖЬ!¹⁷

Много раз Солженицын с нежностью, даже любовью, изображает профессоров и учителей и нередко возвращается к теме университетской жизни (см. в "В круге первом" биографии Нержина и его жены Нади, профессора Челнова, или в "Раковом корпусе" - Костоглотова, Донцовой и Дежки). Повесть "Для гользы дела" можно характеризовать как самое "советское" произведение автора. Она была написана весной 1963-его года, когда Солженицын, уже известный благодаря своим ранним новеллам "Один день Ивана Денисовича", "Матренин двор" и "Случай на станции Кречетовка", решил познакомиться с учительской профессией. Повесть основана на настоящем инциденте, касающемся школы в Рязани, где работал Солженицын. Она показывает обманутых молодых людей, которые трудились бесплатно, чтобы достроить себе новое заведение, и их разочарование и огорчение, когда циничные бюрократы берут новое здание для министерства. Это тема, которая не отличается от других разоблачений мелких остатков сталинизма. Повесть демонстрирует, что по крайней мере в это время Солженицын был готов работать в рамках советской литературы и, как многие коллеги при Хрущеве, думал, что будет возможно реформировать систему. Полтора года спустя, когда Хрущева отстранили от власти, Солженицыну стало ясно, что совесть и честность при новых политических условиях уже не будут совместимы со статусом официального советского писателя.

Разумеется, недостаточно говорить о Солженицыне в рамках всего лишь трех упомянутых тезисов. Однако, думается, что в своих наивысочайших моментах творчество Солженицына соединяет в себе позицию и моралиста, и бунтовщика, и учителя. Сколько силы, правды и способности влиять на читателя (без дидактики!) в таких коротких фразах, как "Волкодав прав, а людоед - нет" (Спиридон в "В круге первом"), или в конце "Одного дня Ивана Денисовича": "Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый".

Поэт Октавио Паз пимет, что голос Солженицына не современный, но древний, что это древно в старого русского христианства, и что, поэтому, его пример в интеллектуальный, не политический и даже, в привычном смысле этого слова, не моральный. Паз считает Солженицына прежде всего свидетелем.¹⁸

Свидетельство Солженицына, как оно выражается в его публицистике, остается спорным особенно для западных либеральных интеллигентов, вышедших из разных сложных и часто противоречивых традиций. Беллетристика Солженицына мало экспериментальна. Солженицын отказывается от модернизма вообще. Его философия и моральное мировоззрение скорее тяготеет к Толстому и другим реалистам 19-ого столетия. Форма и стиль у него тоже традиционные. Но факт остается фактом: солженицынское свидетельство, выраженное в его повестях, рассказах и романах, преобразуется в искусство, доступное всем.

Примечания

- 1 Чуковская, Л.: Процесс исключения. Paris, YMCA Press, 1979, с. 140.
- 2 Солженицын, А.: Архипелаг ГУЛАГ. Paris, YMCA Press, 1975, том 2, часть 4, глава 1.

- 3 Солженицын, А.: Матренин двор. In: Сочинения. Frankfurt/Main, Посев, 2 изд., 1968, с. 200.
- 4 Там же, с. 231.
- 5 Солженицын, А. И.: Раковый корпус. Paris, YMCA Press, 1968, сс. 359-360.
- 6 Там же, с. 346.
- 7 Там же, с. 424.
- 8 В круге первом. Sobranije sočinenij v 6 tt. - t. 3-4, Frankfurt/Main, Posev, 1969-1970, Flegon s. 641-642.
- 9 Архипелаг ГУЛag. Предисловие
- 10 Там же, том 1, часть 1, глава 5.
- 11 Tolstaya, T.: The Guardian 25/6/92, с. 25.
- 12 Brown, D.: Soviet Russian Literature since Stalin, Cambridge, 1978, s. 310.
- 13 В круге первом, с. 8.
- 14 Там же, с. 35.
- 15 Раковый корпус, с. 74.
- 16 См.: Scammall, M.: Solzhenitsyn. A Biography. Hutchinson 1985, сс. 923-930.
- 17 Солженицын, А.: Нобелевская лекция. London, Stenvalley Press, 1973, с. 52-54.
- 18 См. предисловие Scammell.

Resumé

TESTIMONY TRANSFORMED INTO ART (The Prosa of A. I. Solzhenitsyn)

Solzhenitsyn's position as a writer and man is considered in term of his moral strength, his frequent opposition to institutions and the establishment, and as a teacher in the broader sense of the word. The starting point is the author's meeting in 1952 in a prison hospital with Boris Kornfeld. Kornfeld described his conversion from Judaism to Christianity to Solzhenitsyn and argued that punishment never comes to a man undeservedly. These views led Solzhenitsyn to the notion that there is a line running through every man which divides the good and the evil. The line may shift and at any time one quality may outweigh the other, but herein is the strength of all religions over revolutions. Religions struggle against the evil within each man, whereas revolutions merely destroy those who bear evil at the time. In all Solzhenitsyn's works one detects a clear good-evil dividing line, and in the best of his fiction the morality is interwoven with doubt and irony - a good example is Cancer Ward. Part of the moral search involves exposing the "Potemkin village" of Soviet life. In The Gulag Archipelago and The Red Wheel this device is emancipated into an entire system, as the author seeks to overturn the onedimensional and false Soviet version of history. The American scholar Deming Brown has pointed out that Solzhenitsyn would be dangerous to any establishment, and it is true that Solzhenitsyn's works often find all institutions prison, hospital, army wanting, and show that the individual through the workings of his conscience can damage them. Finally, Solzheni-

tsyn, once himself a school teacher, shows affection for academic life, but more importantly insists on the ability of literature to educate. His fiction, at its best, unites all three qualities of moralist, rebel, teacher without didacticism, and transforms what Octavio Paz has identified as Solzenitsyn's capacity to "bear witness" in the Biblical sense of the word into an artistry which is accessible to all.

